

ТИП РЕЖИМА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

А. В. Коротаев, Е. В. Слинько, С. Э. Билюга

Проведенные нами эмпирические тесты с использованием баз данных CNTS и Freedom House в общем и целом подтвердили наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказываются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе с тем проведенное исследование позволило выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел весьма существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была выражена сильнее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражаться заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

Связь между уровнем политической нестабильности и типом режима была замечена еще в 70-х гг. прошлого века, когда началось накопление систематических данных по конфликтам в мире. Так, Т. Р. Гурр отмечал, что так называемые полудемократии являются наиболее подверженным дестабилизации типом режима (Gurr 1974). Это наблюдение получило развитие в работах, опирающихся на использование математического аппарата и баз данных, содержащих сведения о многих странах мира. Результатом подобных исследований стала теория об обратной U-образной зависимости типа режима и рисков политической дестабилизации. В соответствии

с этой теорией более стабильными являются последовательные демократии и автократии, в то время как наиболее нестабильными являются промежуточные режимы (неконсолидированные демократии, непоследовательные автократии и гибридные режимы).

Политическая нестабильность – достаточно общее понятие, под которым могут пониматься несколько различных феноменов: гражданские войны, войны этнические, реже войны между государствами, резкие смены режима в сторону демократизации или автократизации¹, а также массовые демонстрации, политические забастовки, насильственные и ненасильственные протесты и т. д. (Regan, Norton 2005).

Первые количественные исследования зависимости между типом режима и гражданскими войнами (Muller, Weede 1990; Francisco 1995; Ellingsen, Gleditsch 1997) были проведены на основании данных, включающих ограниченное количество стран и довольно короткие периоды. Они эмпирически подтвердили наличие статистически значимой связи: гибридные режимы оказались наиболее уязвимыми перед риском возникновения гражданской войны. Последующие более обширные исследования (Ellingsen 2000; Hegre *et al.* 2001) не только подтвердили этот результат, но и установили наличие связи между сменой режима в недавнем прошлом страны и политической нестабильностью. Один из выводов исследования (Hegre *et al.* 2001) состоит в том, что молодые демократии или молодые автократии (то есть страны, недавно пережившие демократизацию или автократизацию) являются значительно более уязвимыми для гражданской войны, чем стабильные режимы. Однако наличие связи между началом гражданской войны и типом режима оказалось статистически значимо, даже если контролировать влияние фактора недавней смены режима (Fearon, Laitin 2003).

Исследование влияния демократизации и автократизации на участие стран в войне² (Mansfield, Snyder 1995) также выявило, что страны в процессе демократизации более чем на 60 % чаще оказы-

¹ Причем смена режима может выступать в качестве как зависимой переменной (синоним политической нестабильности), так и независимой переменной при исследовании факторов, связанных с возникновением других типов нестабильности, например гражданских войн.

² Рассматривались как войны между государствами, так и войны правительства с негосударственными структурами, как в случае колониальных войн.

ваются вовлеченными в войны, чем страны, где смены режима не произошло. Более того, страны в период демократизации подвергались большему риску быть вовлеченными в войну, чем все остальные (включая автократизирующиеся) государства.

В работах некоторых авторов (Cedermann *et al.* 2010) влияние именно демократизации на этот крайний тип политической нестабильности было подтверждено³. Однако в других работах (Gleditsch 2002) отмечается, что направление изменения режима не влияет на риск возникновения гражданской войны.

В случае, когда демократизация и автократизация рассматриваются как независимые переменные, одним из ключевых дополнительных факторов, оказывающих влияние на уровень социально-политической дестабилизации, был назван фактор политического факционализма⁴ (Goldstone *et al.* 2010; Marshall, Cole 2008; 2012), который фиксирует база данных *Polity* (Marshall, Jaggers 2015).

Связь не только гражданских войн, но и этнических гражданских войн с типом режима была исследована и подтверждена в ряде работ (Sambanis 2001; Buhaug 2006).

Объяснение причин слабости промежуточных режимов исходит из двух теорий, объясняющих возникновение политического насилия в целом: теории депривации (ставит акцент на экономической составляющей) и теории рациональных агентов или возможностей (политические причины). Согласно первой теории, восходящей к Дж. Дэйвису (Davies 1962; 1969) и Т. Р. Гарту (Gurr 1974), восстание и гражданская война могут быть вызваны тем, что ожидания, которые провоцирует модернизация, оказываются неудовлетворенными, и это заставляет людей выходить на улицы⁵. Такое положение дел чаще всего наблюдается как раз в промежуточных режимах, находящихся в процессе интенсивной модернизации. Со-

³ Хотя некоторое влияние автократизации не исключается.

⁴ Факционализм (*factionalism*) представляет собой такой тип политической культуры, при котором основные политические силы в обществе структурируются не по идеологическому принципу (консерваторы – либералы, правые – левые и т. п.), а по этноконфессиональным признакам или региональной принадлежности. Таким образом, в такого рода государствах политические партии будут представлять не лиц, скажем, с левыми, правыми или центристскими убеждениями, а, к примеру, шиитов, алавитов, маронитов и т. д. либо западнцев или дончан.

⁵ Анализ психологических аспектов в обществе, в том числе социальной фрустрации и депривации, в работах Дэйвиса см.: Урнов 2008: 184–188.

гласно второй теории, в основе нестабильности промежуточных режимов лежит характерная для них слабость центральной власти, которая дает мятежникам надежду на получение большей выгоды от восстания, чем от бездействия или легальной политической борьбы (Muller, Weede 1990). Некоторые авторы (Gates *et al.* 2000; Regan, Norton 2005) объединяют обе теории, объясняя более высокий риск дестабилизации промежуточных режимов тем, что они слишком слабы, чтобы подавить любую возможность восстания, и недостаточно демократичны, чтобы предотвратить разочарование. Если говорить о более конкретных факторах, обуславливающих нестабильность политического режима, то среди них называют следующие: недавняя смена режима, резкое изменение типа режима на большое количество пунктов в сторону автократизации или демократизации, собственно автократизация по сравнению с демократизацией (Regan, Bell 2009).

Одним из важных вопросов при определении наличия связи между типами режимов и нестабильностью является собственно то, как определяется тип режима. В целом существуют две точки зрения на эту проблему.

Первая состоит в том, что есть строго определенные параметры, которые позволяют отделить демократию от автократии; если мы не можем определить, какой тип перед нами, то это происходит скорее в силу ограниченности нашего знания (Przeworski *et al.* 2000: 30–36). Такой подход сужает представление о типах режима до дихотомии, понятие переходного или гибридного режима здесь отсутствует. Второй подход противоположен первому: согласно ему демократия и автократия встречаются в чистом виде редко, большинство режимов лежат между этими крайними точками (Dahl 1971). Далее теории могут отличаться по количеству критериев, которые используются для выделения «чистых» и «гибридных» режимов.

Нередко за основу выделения разных типов берется всего один критерий, чаще всего – «индекс демократии»⁶ или «индекс Polity»

⁶ Индекс демократии *Polity* следует отличать от более широко известного в настоящее время Индекса демократии журнала *The Economist*. Индекс демократии *Polity*, варьирующий от –10 до +10, составлен на основании 5 индикаторов, кодируемых экспертами (Gurr 1974; Jaggers, Gurr 1995): 1) способ рекрутирования органов исполнительной власти (Competi-

в базе данных *Polity* (Hegre *et al.* 2001; Jaggers, Gurr 1995). Использование индекса демократии позволяет выделить промежуточные типы режимов (анократии), однако не позволяет понять механику того, какие конкретно параметры влияют на стабильность режима (Hegre 2014). Промежуточные режимы являются крайне неоднородными и могут сильно отличаться друг от друга, эти различия ускользают при ранжировании режимов по одному показателю. Ряд авторов предпочитает использовать несколько составляющих показателей индекса демократии, а иногда и другие присутствующие в *Polity* индикаторы для операционализации понятия демократии. Так, в некоторых работах (Marshall, Jaggers 2015; Gates *et al.* 2000) используются только два или три показателя из пяти, или вообще другой показатель, такой, например, как открытость рекрутирования органов исполнительной власти (*Openness of Executive Recruitment – ExRec*) (Goldstone *et al.* 2010; Ulfelder, Lustik 2007).

Использование индекса демократии *Polity* как индикатора уровня демократии вызвало достаточно резкую критику. Так, Дж. Р. Вриланд (Vreeland 2008) считает, что наличие U-образной зависимости является скорее результатом особенностей кодирования промежуточных режимов (анократий) в *Polity*, когда страны, находящиеся в состоянии войны, кодируются как переходные. Чтобы доказать свою точку зрения, Вриланд исключает из агрегации индикаторы, которые, как он считает, изначально связаны с гражданской войной (а именно PARCOMP и PARREG), и, используя данные (Hegre *et al.* 2001; Fearon, Laitin 2003), показывает, что параметр «тип режима» оказывается в этом случае незначимым. В других работах (Treier, Jackman 2008) критике подверглись способ кодирования индикаторов демократии в базе *Polity*, зависимость пяти показателей друг от друга, неравномерность порядковой шкалы и другие погрешности кодирования, которые, как показывают авторы, ставят под сомнение возможность использования индикаторов *Polity* без существенных модификаций. Некоторые

tiveness of Executive Recruitment – *Xrcomp*); 2) открытость рекрутирования органов исполнительной власти (*Openness of Executive Recruitment – Xropen*); 3) ограничение на органы исполнительной власти/правила принятия решений (*Executive Constraints/Decision Rules – Xconst*); 4) регулирование участия в выборах (*Regulation of Participation – Parreg*); 5) конкурентность выборов (*Competitiveness of Participation – Parcomp*).

исследования, не отрицая возможности использования индекса демократии *Polity* как индикатора уровня демократии, указывают на необходимость учитывать его категориальную, а не порядковую шкалу, а также на слишком высокую важность, которую имеет один компонент (а именно ограничения на высшее исполнительное лицо) (Ellingsen, Gleditsch 1997).

Выводы Вриланда были протестированы в моделях. Так, например, добавление в модель Дж. Голдстоуна параметров, напрямую связанных с нестабильностью, не повлекло за собой увеличения значимости переменной типа режима или точности модели (Goldstone *et al.* 2010). Это говорит о том, что переменная «тип режима» не является индикатором политического насилия. В случае промежуточных режимов переменная указывает на особый тип отношения между элитами, характеризующийся крайней поляризацией.

Дж. Р. Вриланд (Vreeland 2008) подверг критике и индекс *Freedom House*, так как вопросник, на основании которого определяется один из компонентов индекса – индекс гражданских свобод, – содержит прямое упоминание наличия или отсутствия гражданской войны или восстания (*Is there freedom from war and insurgencies?*).

Несмотря на то, что в большинстве исследований использовались данные *Polity*, в некоторых работах (Muller, Weede 1990) в качестве меры демократии использовался параметр «тип режима» согласно определению *Freedom House*, а индикатор нестабильности, а именно гражданской войны, был взят из третьего издания *World Handbook of Political and Social Indicators* (Taylor, Jodice 1983). Однако это исследование включало данные всего по четырем годам (1973–1977). Тем не менее и на этом материале было подтверждено наличие U-образной зависимости между типом режима и социально-политической дестабилизацией. Наличие данной зависимости нашло свое подтверждение и в работах отечественных исследователей (Гринин, Коротаев 2012; 2013; 2014; Цирель 2012а; 2012б; Grinin, Korotayev 2012; 2014; Малков и др. 2013; Korotayev *et al.* 2013; 2014; Коротаев и др. 2015; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015).

Уровень дестабилизации разных государств по типологии Freedom House

Freedom House делит политические режимы на три большие группы: «свободные» (*Free*), «частично свободные» (*Partly Free*) и «несвободные» (*Not Free*). Логично в качестве промежуточного режима рассматривать вторую категорию – «частично свободные» (*Partly Free*).

Прямой тест гипотезы, по данным Freedom House и CNTS, подтвердил наличие U-образной зависимости. За период 1973–2012 гг. среднее значение индекса социально-политической нестабильности для промежуточных режимов составило 1086, а для двух остальных типов режимов – почти в два раза меньше – 638. Проведенный нами t-тест показал (Рис. 1), что данное различие является безусловно статистически значимым ($t = 10,26$; $\alpha < 0,0001$).

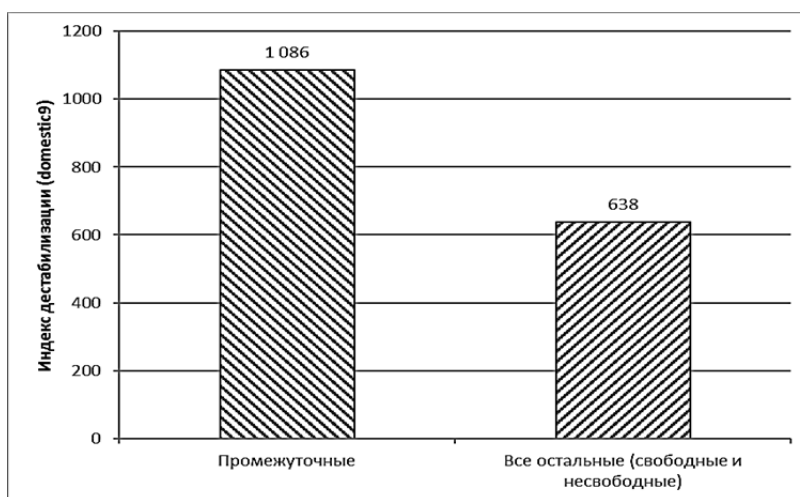

Рис. 1. Среднее значение индекса политической нестабильности по странам с промежуточными режимами в сопоставлении со странами с другими типами режимов, 1973–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $t = 10,26$; $\alpha < 0,0001$; $N = 6831$.

Однако более детальный анализ переменной позволил выявить целый ряд примечательных закономерностей.

Если рассматривать отдельно три типа режимов, то окажется, что уровень дестабилизации между ними значимо отличается: с одной стороны, вполне в соответствии с гипотезой U-образной зависимости наиболее нестабильными оказываются промежуточные режимы; однако, с другой стороны, авторитарные («несвободные») режимы оказываются значимо менее стабильными, чем режимы демократические («свободные»)⁷.

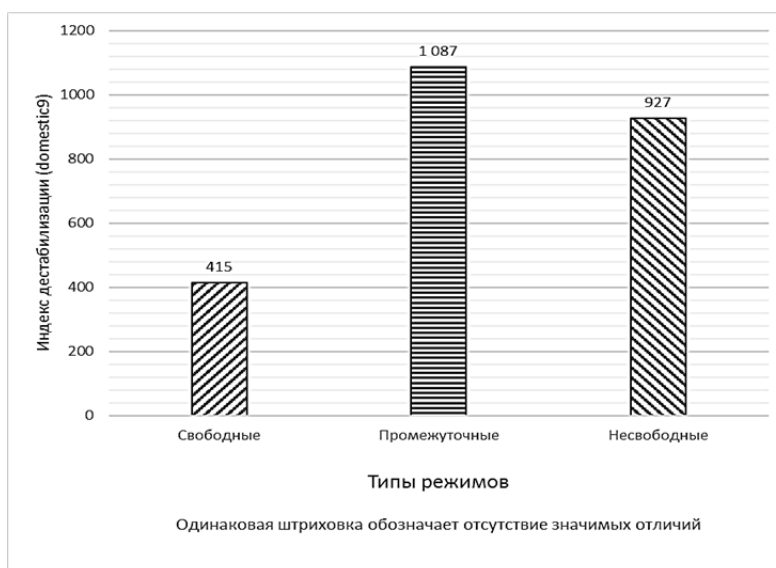

Рис. 2. Среднее значение индекса политической нестабильности по странам с промежуточными режимами в сопоставлении со странами, характеризующимися демократическим и автократическим типами режимов, 1973–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 106,833$; $\alpha < 0,0001$.

⁷ Статистическая значимость различий между категориями (указана на рисунках) определена с помощью критерия Тамхейна ($\alpha < 0,05$) и процедуры однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

Однако наибольший интерес представляет рассмотрение корреляции между типами режимов и уровнем их стабильности/нестабильности по трем периодам: до окончания холодной войны (1973–1991 гг.), после окончания холодной войны (1992–2010 гг.) и в 2011–2012 гг. Если выделение первых двух периодов вопросов не вызывает (окончание холодной войны и распад Советского Союза, несомненно, оказали влияние на систему международной безопасности и уровень стабильности), то выделение последнего периода требует пояснений. Необходимость выделения данного этапа можно лучше всего продемонстрировать следующим графиком, где показано среднее количество антиправительственных демонстраций в год на одну страну (Рис. 3).

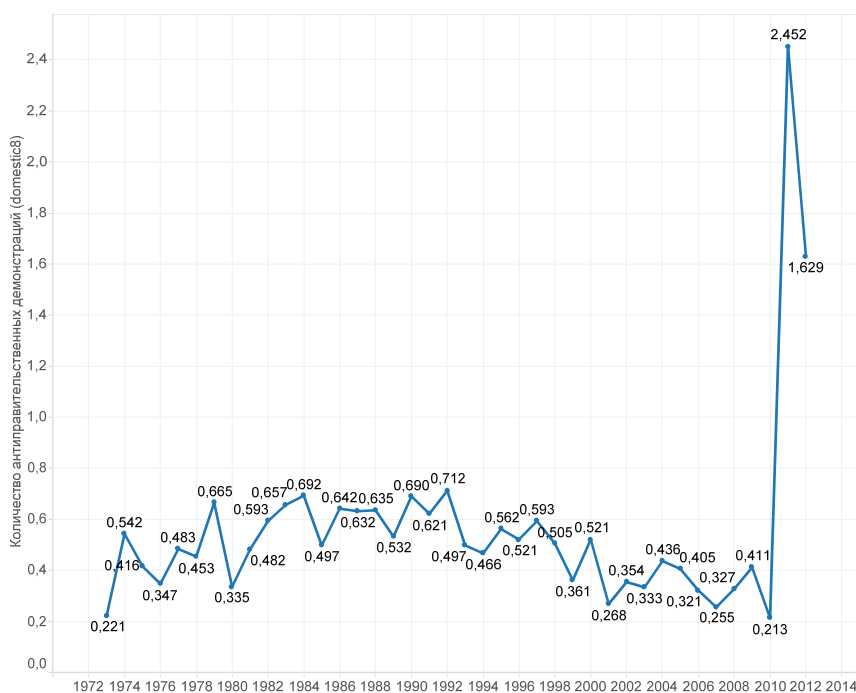

Рис. 3. Количество антиправительственных демонстраций (domestic8) в год на одну страну, 1973–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

Легко заметить, что период, начинающийся в 2011 г., резко отличается от остальных, то есть по крайней мере одна из составляющих индекса нестабильности в этот период резко меняется. Подробнее этот вопрос рассматривается нами в первых двух разделах данного мониторинга.

В период до холодной войны U-образная зависимость прослеживается очень четко (Рис. 4). Большие отличия от промежуточных режимов в уровне нестабильности показывают как авторитарные, так и демократические режимы, причем между демократическими и авторитарными режимами статистически значимых отличий не прослеживается.

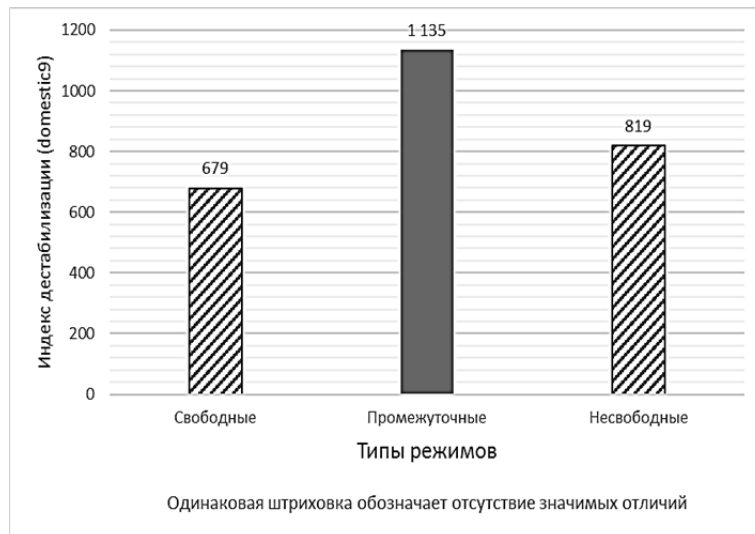

Рис. 4. Среднее значение индекса политической нестабильности по типам режимов, 1973–1991 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 17,64$; $\alpha \ll 0,0001$.

Второй период – после окончания холодной войны и до 2010 г. – характеризуется общим снижением уровня дестабилизации, промежуточные режимы продолжают оставаться самыми нестабильными, однако растет и разница между демократическими и авто-

кратическими режимами: авторитарные режимы в этот период становятся значимо менее стабильными, чем демократии.

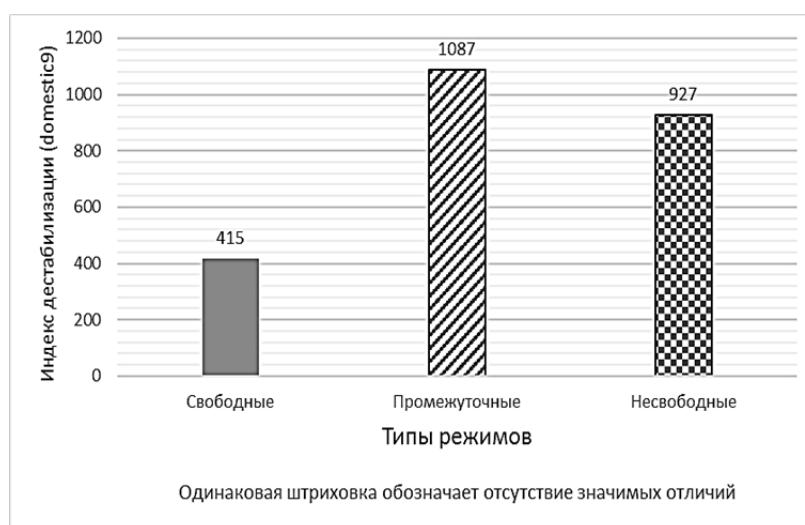

Рис. 5. Среднее значение индекса политической нестабильности по типам режимов, 1992–2010 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 106,833$; $\alpha < 0,0001$.

Тренд продолжается в третьем периоде (2010–2012 гг.): автократии далеко превосходят по уровню дестабилизации демократии (Рис. 6). Что касается промежуточных режимов, то уровень их дестабилизации в этот период был ниже, чем в автократиях, но выше, чем в демократиях. Таким образом, U-образная кривая для этого короткого периода не наблюдается.

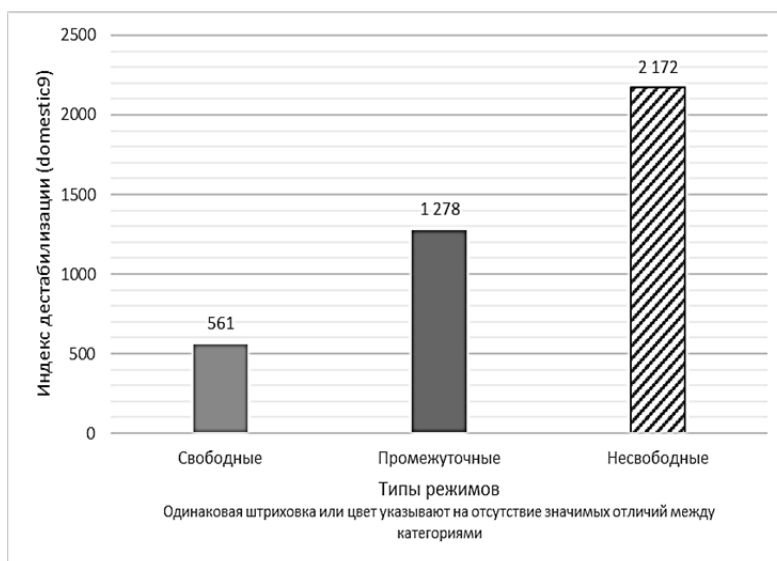

Рис. 6. Среднее значение индекса политической нестабильности по типам режимов, 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 9,054$; $\alpha < 0,001$.

Однако самое интересное – это понять, как в динамике меняется соотношение уровней дестабилизации между различными типами режимов. Рост относительного уровня нестабильности автократий может происходить или благодаря росту нестабильности в самих автократиях, или благодаря снижению нестабильности в других типах режимов.

Если посмотреть на динамику нестабильности в режимах трех типов, то окажется, что демократические режимы стали значительно более стабильными во второй период после окончания холодной войны, а в 2010–2012 гг. вернулись к уровню нестабильности, характерному для периода до конца холодной войны (Рис. 7).

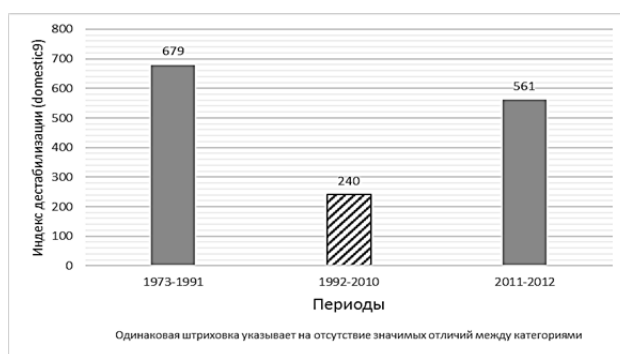

Рис. 7. Среднее значение индекса политической нестабильности демократических режимов по трем периодам: 1973–1991, 1992–2010 и 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 42,580$; $\alpha < 0,0001$.

Рассматривая динамику изменения уровня нестабильности в промежуточных режимах, можно сказать, что, несмотря на рост индекса нестабильности в третьем периоде (2010–2012 гг.), отличия между тремя периодами статистически не значимы.

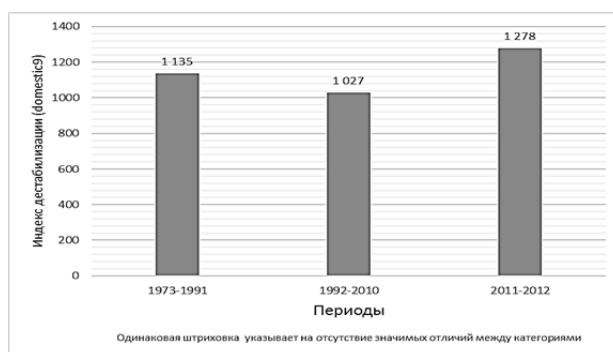

Рис. 8. Среднее значение индекса политической нестабильности промежуточных режимов по трем периодам: 1973–1991, 1992–2010 и 2011–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 1,219$; $\alpha = 0,296$.

Рассмотрение динамики уровня дестабилизации автократий позволяет утверждать, что именно рост нестабильности в автократиях (а не снижение нестабильности в других типах режимов) стал причиной значимого роста индекса нестабильности автократий относительно демократий и промежуточных режимов.

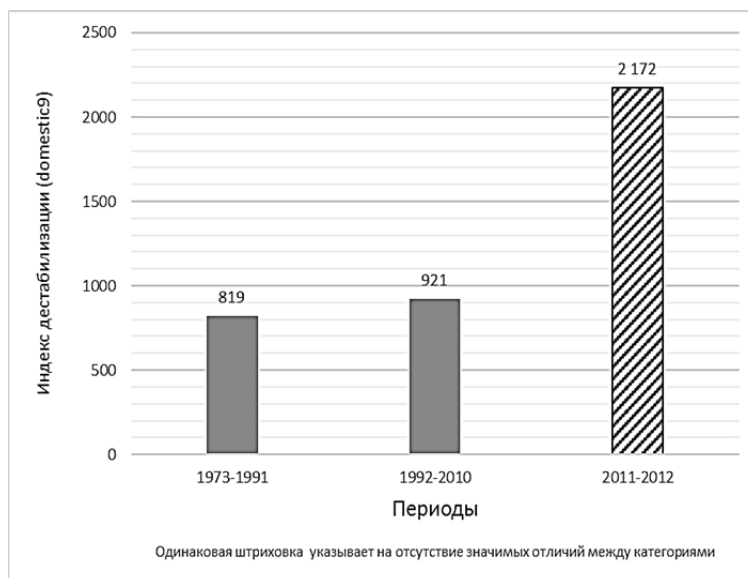

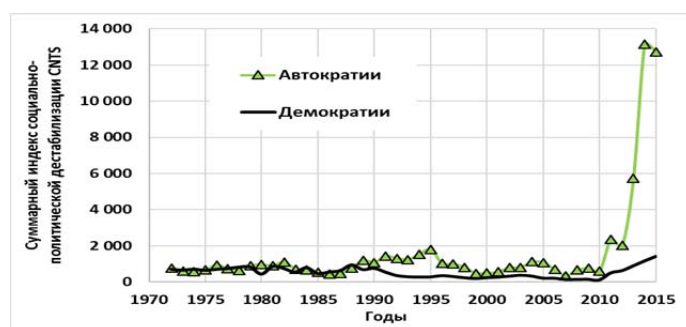
Рис. 9. Среднее значение индекса политической нестабильности авторитарных режимов по трем периодам: 1973–1991, 1992–2010 и 2010–2012 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 24,895$; $\alpha < 0,0001$.

Итак, снижение уровня нестабильности в период после холодной войны происходило в основном за счет консолидированных демократий. А авторитарные режимы оказались во многом «ответственными» за рост нестабильности в период 2010–2012 гг. Таким образом, обе крайних точки U-образной кривой пришли в движение, превращая U-образную кривую в прямую линию.

На Рис. 10 средние индексы дестабилизации демократических и авторитарных режимов представлены в динамике.

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 10. Динамика средних значений индекса социально-политической дестабилизации на одну страну демократического типа и одну страну автократического типа за один год, 1973–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Снижение уровня социально-политической дестабилизации демократических режимов в период после холодной войны здесь видно в высшей степени наглядно. Его можно объяснить несколькими причинами.

Прежде всего после распада СССР имело место снижение активности левого движения в странах мир-системного ядра. В период до 1991 г. в консолидированных демократиях как раз левые организации выводили на улицы недовольных граждан, чтобы до-

биться улучшения условий работы от работодателей и правительств, именно они прежде всего организовывали политические забастовки. Кроме того, в 1990-х гг. западные страны (являющиеся в основном консолидированными демократиями) стали все более активно выводить на мир-системную полупериферию и периферию промышленные производства. Результатом было снижение протестной активности вследствие элементарного уменьшения числа промышленных рабочих, особенно активно принимавших участие в организовываемых левыми протестных акциях (знаменитые забастовки английских шахтеров не могли не прекратиться уже ввиду почти полного исчезновения шахтеров в этой стране). Свою лепту в понижение уровня социально-политической нестабильности в консолидированных демократиях Запада внесло и стремительно нараставшее в 1990–2000-е гг. старение населения мир-системного ядра (см., например: Goldstone *et al.* 2012): известно, что к радикальным действиям наиболее склонна молодежь и значительное увеличение численности и доли молодого населения служит одним из факторов, повышающих нестабильность в обществе (см., например: Moller 1968; Goldstone 1991; 2002; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2010; 2011а; 2011б; 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev, Zinkina 2011; Коротаев 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Малков 2014; Korotayev 2014; Korotayev *et al.* 2014).

Рост нестабильности авторитарных режимов после конца холодной войны объясняется, естественно, другими причинами. Отметим, например, что в странах третьего мира диктаторам нередко удавалось держать ситуацию под контролем благодаря биполярности мира и поддержке (финансовой, технической и даже силовой) со стороны одной из сверхдержав. С момента окончания холодной войны ситуация меняется на прямо противоположную – интенсивность дестабилизации возросла наполовину в авторитарных режимах (что, собственно говоря, и доказывает преобладание дестабилизаций в авторитариях), в демократиях, напротив, как мы могли видеть выше, пошла на спад. В 2011–2015 гг. происходит новый переход, связанный с Арабской весной и ее глобальным эхом (по-

дробнее см. первые два раздела данного мониторинга, см. также Рис. 11 и 12).

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 11. Динамика среднего значения суммарного индекса социально-политической дестабилизации CNTS на одно государство демократического типа и одно государство с промежуточным режимом за один год, 1972–2015 гг.

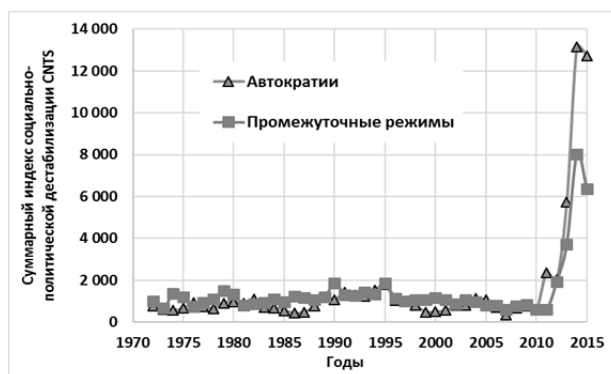
Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, в 1970–1980-е гг. средний уровень дестабилизации в промежуточных режимах был лишь относительно немного (хотя и статистически значимо) выше, чем в демократиях. При этом в демократиях никакого явно выраженного тренда в этот период не наблюдалось, а в промежуточных режимах прослеживался слабый

восходящий тренд к росту социально-политической дестабилизации. В дальнейшем, с конца 1980-х и вплоть до конца 2000-х гг., наблюдалось очень заметное, на порядок, снижение среднего уровня социально-политической нестабильности в демократических государствах. При этом в промежуточных режимах в 1990–1995 гг. социально-политическая нестабильность продолжала оставаться на довольно высоком уровне. В результате за 1988–1995 гг. между демократиями и промежуточными режимами сформировался многократный разрыв по уровню социально-политической нестабильности. В 1995 г. средний уровень социально-политической дестабилизации в промежуточных режимах был выше такового в демократиях почти в семь раз. С середины 1990-х гг. вполне определенный тренд к снижению уровня социально-политической нестабильности начинает прослеживаться и для промежуточных режимов – между 1995 и 2010 гг. средний уровень социально-политической дестабилизации снизился здесь более чем в три раза. Однако в данный период времени очень заметно (почти в три раза) уменьшился и средний уровень социально-политической дестабилизации в демократиях. В результате с 1995 по 2010 г. разрыв между промежуточными и демократическими режимами по среднему уровню социально-политической дестабилизации сократился весьма незначительно – с семи- до шестикратного. Таким образом, данный многократный разрыв продолжал наблюдаться и накануне Арабской весны. В первый год арабских волнений скачкообразный рост социально-политической дестабилизации наблюдался прежде всего в авторитарных государствах Ближнего Востока, но эхо Арабской весны привело к очень заметному росту протестной активности (а значит, и уровня социально-политической дестабилизации) также во многих демократических государствах по всему миру.

Парадоксальным образом в промежуточных режимах в 2011 г. социально-политическая нестабильность увеличилась совсем немного, и в этом году средний уровень социально-политической дестабилизации оказался лишь немногим выше, чем в демократиях; однако в 2012 г. запущенная Арабской весной глобальная дестабилизационная волна накрыла и эти режимы, и в 2012–2014 гг. в странах с промежуточными политическими режимами социально-политическая нестабильность выросла столь же сильно, как и в демократиях. В результате, даже несмотря на некоторый спад нестабильности в промежуточных режимах в 2015 г. (на фоне некоторо-

го ее роста в демократиях), среднее значение суммарного индекса социально-политической дестабилизации для промежуточных режимов в 2015 г. оказалось в четыре с половиной раза выше, чем в демократиях, то есть разрыв между двумя этими типами режимов по данному показателю был в 2015 г. лишь немногим меньше, чем в 2010 г.

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 12. Динамика среднего значения суммарного индекса социально-политической дестабилизации CNTS на одно государство автократического типа и одно государство с промежуточным режимом за один год, 1972–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Несмотря на то что тренд обеих линий практически совпадает, по сравнению с автократическими режимами в промежуточных режимах видно более яркое проявление интенсивности (по экстремумам без каких-либо понижательных циклов).

Почему в этот период наиболее подверженными политической дестабилизации оказались политии промежуточного типа, можно проиллюстрировать на примере стран Центральной и Латинской Америки, в которых процветали персоналистские режимы и военные хунты, но намечались сдвиги в сфере либерализации общественной жизни. Поэтому большинство стран Южной Америки рассматривались как гибридные режимы. Для Аргентины, Гайаны и Суринама рост политической дестабилизации был связан с повышением активности повстанческих движений, которые провоцировали репрессии со стороны властей, тем самым замыкая круг насилия. В Аргентине с 1976 по 1983 г. хунта Х. Виделы проводила массовые аресты и казни, исчисляющиеся десятками тысяч. В Гайане диктатор Ф. Бернхем часто прибегал к политическим убийствам, чтобы устранять оппонентов, чем настроил против себя левую оппозицию. В Суринаме с 1986 по 1992 г. шла партизанская война против диктатора Д. Баутерсе, пришедшего к власти в ходе военного переворота.

После эпохи диктатур в ряде стран континента удалось наладить регулярные и конкурентные выборы. Но это породило другую крайность – популизм. После того как новоизбранный лидер оказывался в ситуации, когда не мог выполнить свои предвыборные обещания, социальное недовольство стремительно нарастало. Избранный в 1983 г. президентом Венесуэлы Х. Лусинчи столкнулся с падением мировых цен на нефть и массовыми забастовками по всей стране. В Бразилии при правлении Ж. Фигейреду население активно выступало за расширение и защиту гражданских прав, поскольку хотело дальнейшей либерализации, начатой при прежних лидерах. В Сальвадоре генерал К. Ромеро, в 1977 г. избранный в ходе демократической процедуры президентом, был свергнут ввиду фальсификации результатов голосования.

Подобных примеров множество. Окончательное становление демократии в странах второго и третьего мира редко происходит с первого раза. В странах Латинской Америки многое зависит от по-

литической воли конкретного главы государства, поскольку институциональное устройство способствует становлению суперпрезидентских режимов, граничащих с персоналистскими автократиями. Если один лидер по личной воле может пойти на уступки оппозиции и обществу, то его преемник на посту лидера страны может повернуть эти изменения вспять. По причине того, что неконсолидированные демократии: 1) подвержены быстрым откатам к авторитаризму и 2) постоянно пребывают в состоянии замкнутого круга насилия, уровень политической нестабильности, как мы уже отмечали, высок именно в гибридных режимах.

Для десятков режимов по всему миру конец холодной войны и прекращение поддержки со стороны СССР был своего рода второй деколонизацией. Для стран ЦВЕ этот процесс прошел достаточно легко, поскольку они были приняты европейским сообществом, и создание нового институционального дизайна шло в рамках программ европейского партнерства. Устоявшиеся социалистические автократии (Куба и Вьетнам) продолжили следовать своим моделям развития. Остальные режимы – сторонники советского лагеря оказались предоставлены сами себе. Попытки выстроить демократические процедуры с первого раза не удаются практически ни в одной стране, в связи с чем такие режимы находятся в состоянии маятника. Например, из 15 бывших советских республик сразу выйти на демократический трек развития удалось только трем государствам Прибалтики, имевшим короткий демократический опыт до присоединения к СССР, и небольшой Молдове. При этом Молдова является крайне нестабильным государством ввиду политического раскола между сторонниками европейского вектора развития и пророссийскими силами. Кроме того, в Молдове на сегодня есть два замороженных территориальных конфликта – в Приднестровье и Гагаузии. В остальных 11 постсоветских государствах, несмотря на изначально демократические предлоги роспуска СССР, установились автократии. Только крупные социальные протесты смогли дать новый импульс постсоветским странам. Во всех случаях одной попытки запустить демократический транзит оказывалось недостаточно. Далее требовалось либо повторение революций, либо прохождение нескольких сложных избирательных циклов.

Дальнейшие серьезные трансформации на постсоветском пространстве связаны с «цветными революциями». В ходе «революции роз» к власти в Грузии пришел М. Саакашвили. Изначально его имя связывалось со значительными преобразованиями в стране, но затем президента не раз обвиняли в злоупотреблении властными полномочиями. В результате демократических выборов в парламент 2012 г. партия Саакашвили уступила блоку «Грузинская мечта», что позволило Грузии сохранить демократический трек развития. Этого не случилось в Киргизии. После свержения А. Акаева в ходе другой «цветной революции», названной «тюльпановой», к власти пришел К. Бакиев, при котором упал уровень жизни населения, обострились этнические конфликты, вырос уровень клановости и коррупции во власти. Бакиев был свергнут в результате массовых демонстраций 2010 г. Сегодня Киргизия является единственной страной бывшего СССР в Центральной Азии, где осуществляется демократический транзит.

Самым ярким примером неустойчивости и перманентной дестабилизации на постсоветском пространстве является Украина. После «оранжевой революции» 2004 г. и принятия поправок в Конституцию каждый последующий лидер страны стремился выстраивать патронажный режим, где решающая доля полномочий сконцентрирована в руках главы государства. На сегодняшний день, даже после второй революции – Евромайдана, процесс государственного строительства и консолидация демократии идут с большими сложностями.

Таким образом, для государств, предпринявших попытку демократического транзита в период 1992–2010 гг., характерны длительная неустойчивость, неоднократные попытки перезапуска транзита и высокий уровень социально-политической дестабилизации в течение этого периода времени.

Период 2011–2012 гг. включает в себя как крупномасштабные волны протестов в странах развитой демократии в Европе и Северной Америке (движение “*Оссиру*”), так и Арабскую весну преимущественно среди автократий Ближнего Востока и Северной Африки. При этом проявились они по-разному. “*Оссиру*” состоял из мирных демонстраций, пикетов, шествий и возведения палаточных лагерей-коммун в крупных финансовых центрах. Арабская

весна привела к свержению нескольких режимов, ряду гражданских войн и десяткам тысяч жертв.

Таким образом, исходя из данных Freedom House и CNTS, казалось бы, можно говорить об исчезновении U-образной зависимости в период после конца холодной войны. Между тем такое суждение нам представляется излишне упрощенным, так как ниже мы увидим, что здесь, возможно, правильнее говорить не об исчезновении U-образной зависимости, а об изменении ее конфигурации.

Для того чтобы получить более нюансированное видение изучаемой закономерности, имеет смысл перейти от упрощенной классификации современных политических режимов по трем типам к анализу всего континуума современных политий – от консолидированных демократий до последовательных автократий. Отметим, что база данных Freedom House такую возможность предоставляет. Напомним, что классифицирование политий по трем типам осуществляется, по сути дела, на основе сводного рейтинга, получаемого через суммирование «рейтинга политических прав» (со значениями от 1 до 7)⁸ и «рейтинга гражданских свобод» (также со значениями от 1 до 7), принимающего значения от 2 до 14, где 2 соответствует консолидированным демократиям, а 14 – последовательным автократиям (при этом политии в интервале 2–5 классифицируются как «свободные», в интервале 11–14 – как «несвободные», а в интервале 6–10 – как «частично свободные»)⁹; таким образом, данный суммарный индекс можно рассматривать как «индекс авторитарности» (ИА).

Рассмотрим теперь корреляцию между индексом авторитарности и уровнем социально-политической нестабильности для периода до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) (Рис. 13–14).

⁸ Где 1 – наиболее свободные, а 7 – наименее свободные (Puddington *et al.* 2015: 2).

⁹ Впрочем, сотрудники Freedom House затем еще делят полученную сумму на два, но нам этот шаг представляется избыточным.

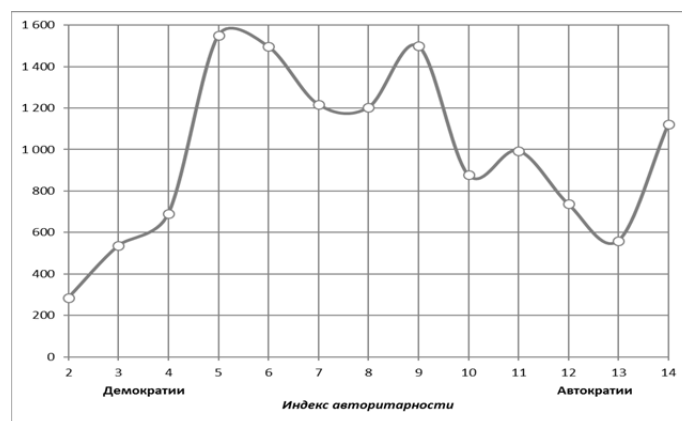

Рис. 13. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности за период до конца холодной войны, 1973–1991 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

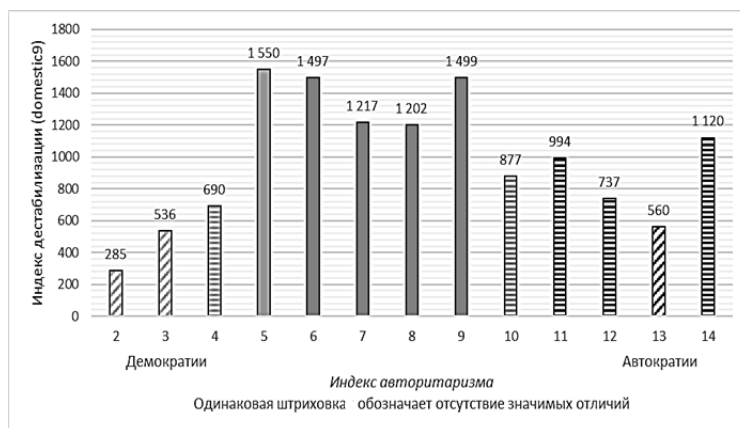

Рис. 14. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности за период до конца холодной войны, 1973–1991 гг., ANOVA-анализ

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 12,94$; $\alpha < 0,0001$.

Как мы видим, данный более детализированный анализ позволяет выявить некоторые интересные детали по сравнению с анализом, основанным на упрощенной троичной классификации. Асимметрия U-образной зависимости оказывается значительно более сложной, чем о том можно было судить по результатам тестов, представленных ранее. Во-первых, как мы видим, и для периода, предшествовавшего окончанию холодной войны, последовательно авторитарные режимы оказываются значимо более нестабильными, чем консолидированные демократии. С другой стороны, явно наблюдается определенный сдвиг пиковых значений нестабильности в демократическую сторону спектра – наиболее подверженными дестабилизации для этого периода оказываются неконсолидированные демократии (значение АИ = 5), а также промежуточные режимы, склоняющиеся скорее к демократии, чем к авторитаризму, в то время как промежуточные режимы, откровенно склонявшиеся в сторону авторитаризма (значение АИ = 10), оказывались значимо более стабильными, чем неконсолидированные демократии. Непоследовательные же авторитарные режимы в общем и целом демонстрировали значимо более высокую степень стабильности, чем неконсолидированные демократии и промежуточные режимы (в особенности те, которые склонялись скорее к демократии, чем к авторитаризму).

После конца холодной войны ситуация изменилась самым существенным образом (Рис. 15).

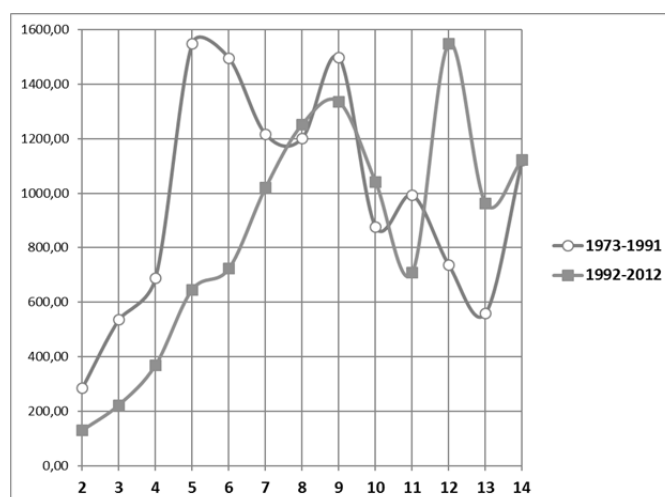

Рис. 15. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности в периоды до (1973–1991 гг.) и после (1992–2012 гг.) конца холодной войны

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, значительных изменений в среднем уровне социально-политических режимов здесь не наблюдалось только для последовательно авторитарных режимов (ИА = 14), с одной стороны, и для промежуточных режимов в интервале от 7 до 11 – с другой. Вместе с тем наблюдалось значительное снижение уровня нестабильности для демократических политий, а также для промежуточных режимов, наиболее близких к демократическому диапазону (ИА = 6). С другой стороны, очень заметно вырос уровень средних значений социально-политической дестабилизации применительно к непоследовательно авторитарным режимам (со значениями ИА между 12 и 13). В результате если в период до конца холодной войны наиболее высокие уровни социально-политической дестабилизации были характерны для неконсолидированных демократий, то в последующий период пиковые значения данного показателя приходятся скорее уже на непоследовательные авторитарные режимы.

При этом после конца холодной войны интересующая нас U-линейная зависимость очень ослабла, и ANOVA-анализ ее даже не улавливает (Рис. 16):

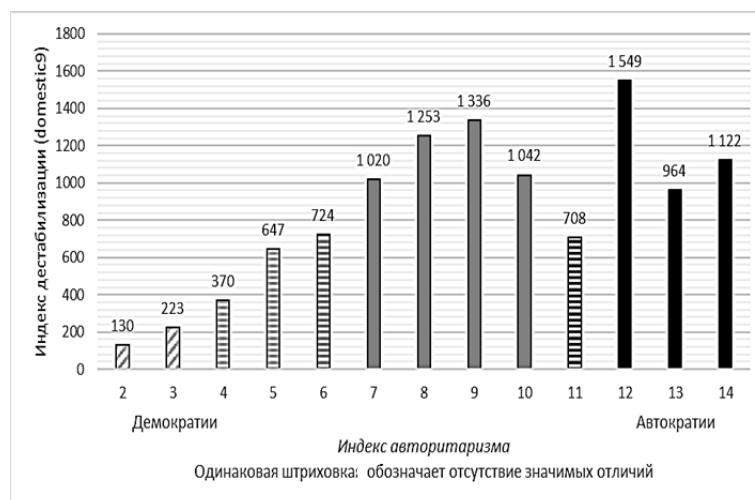

Рис. 16. Корреляция между индексом авторитарности и средними значениями индекса политической нестабильности за период после конца холодной войны (1992–2012 гг.), ANOVA-анализ

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: $F = 24,50$; $\alpha \ll 0,0001$.

Однако эта зависимость все-таки фиксируется при использовании методики расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена. Действительно, для периода 1992–2012 гг. мы имеем не только безусловно статистически значимую ($\alpha \ll 0,0001$) положительную ранговую корреляцию между индексом авторитарности и степенью социально-политической дестабилизации в диапазоне ИА от 2 до 12, но и крайне слабую, но все-таки статистически безусловно значимую ($\alpha = 0,001$) отрицательную корреляцию в диапазоне от 12 до 14.

Итак, проведенные нами эмпирические тесты с использованием баз данных CNTS и Freedom House в общем и целом подтвердили наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказы-

ваются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе с тем проведенное исследование позволило выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел очень существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была выражена сильнее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражена заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

Тип режима и интенсивность антиправительственных демонстраций

В первой части данного раздела мы рассмотрели корреляции между типом режимов и общим индексом социально-политической дестабилизации CNTS. В настоящем разделе мы проанализируем корреляции между типом режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Это имеет большой смысл, так как, и мы увидим это ниже, данный показатель, хотя и входит в качестве составляющей в расчет общего индекса дестабилизации CNTS, демонстрирует существенно разные корреляции с типами политических режимов. Свой анализ мы начнем с тестирования общей зависимости между типами политий и интенсивностью антиправительственных демонстраций (domestic8) (Рис. 17 и Табл. 1).

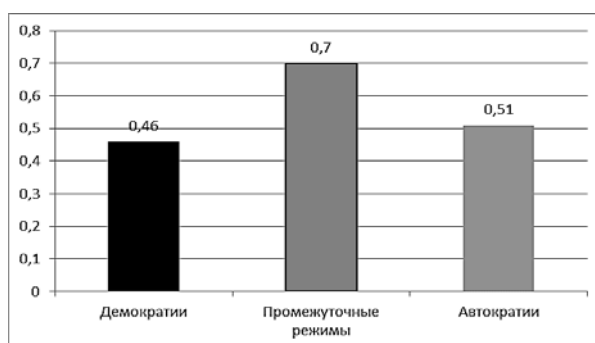

Рис. 17. Средние индексы интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 2012 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Табл. 1. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		1 Free	2 Partly Free	3 Not Free
1 Free	<i>t</i>		-4,424	-0,682
	<i>α (2-tailed)</i>		<< 0,0001	0,495
2 Partly Free	<i>t</i>	-4,424		2,554
	<i>α (2-tailed)</i>	<< 0,0001		0,011
3 Not Free	<i>t</i>	-0,682	2,554	
	<i>α (2-tailed)</i>	0,495	0,011	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим из Рис. 17, в период с 1973 по 2012 г. среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций в консолидированных демократиях (0,46) была почти такой же, как и в авторитарных режимах (0,51). Различие между ними по этому показателю было незначимым ($t = -0,682$, $\alpha = 0,495$). С другой стороны, в автократических государствах среднегодовая интенсивность антиправительственных демонстраций была почти наполовину мень-

ше (0,7), чем и в промежуточных режимах. Это различие является статистически значимым ($t = -4,424$, $\alpha = << 0,001$). Различие промежуточного типа режима с демократией (порядка 2 раз) является также значимым ($t = -4,424$, $\alpha = << 0,001$). Таким образом, по данному показателю U-образная зависимость между типом режима и уровнем социально-политической дестабилизации прослеживается в высшей степени четко.

Рассмотрим теперь *динамику* интенсивности антиправительственных демонстраций в демократических и авторитарных режимах (Рис. 18).

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 18. Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одну страну демократического типа и одну страну авторитарного типа за один год, 1972–2015 гг.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, в интересующем нас плане рассматриваемый нами промежуток времени распадается на четыре периода:

1) 1970–1980-е гг. Период до конца холодной войны, когда интенсивность антиправительственных демонстраций в демократических странах значительно превышает таковую в авторитарных государствах¹⁰ (см. Рис. 19 и Табл. 2).

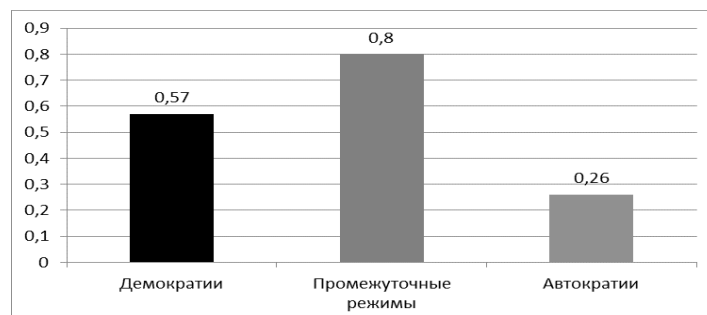

Рис. 19. Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1973 по 1991 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Табл. 2. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий для периода с 1973 по 1991 г.

		Демократии	Промежуточные режимы	Автократии
Демократии	<i>t</i>		–2,579	5,077
	α^*		0,01	<< 0,0001
Промежуточные режимы	<i>t</i>	–2,579		6,76
	α^*	0,01		<< 0,0001
Автократии	<i>t</i>	5,077	6,76	
	α^*	<< 0,0001	<< 0,0001	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: 2-сторонний тест значимости.

¹⁰ Притом что предсказуемым образом и в этот период наиболее высокая интенсивность антиправительственных демонстраций наблюдалась в промежуточных режимах.

Эта картина выглядит, впрочем, достаточно закономерной. Действительно, в авторитарных странах практически по определению организовать антиправительственную демонстрацию несравненно сложнее, чем в демократических. В объяснении скорее нуждается существенное изменение этой картины в 1990–2000-х гг.

2) 1990-е гг. Период между концом холодной войны и началом 2000-х гг. Уже в конце 1980-х гг. в тесной связи с перестроечными процессами в советском блоке интенсивность антиправительственных демонстраций в авторитарных государствах резко растет и догоняет таковую в демократических странах. В 1990-е гг. эта интенсивность имеет тенденцию к снижению и в демократиях, и в автократиях. В результате в 1990-е гг. в автократиях и демократиях прослеживается в целом практически идентичный уровень интенсивности антиправительственных демонстраций (Рис. 20).

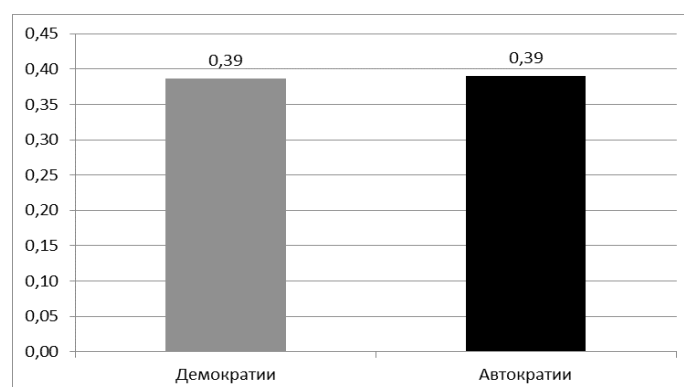

Рис. 20. Средние индексы интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических и авторитарных режимов с 1991 по 2000 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

3) 2000-е гг. Вплоть до 2010 г. в демократических государствах продолжалась прослеживаемая еще с конца 1970-х гг. тенденция к снижению интенсивности антиправительственных демонстраций. С другой стороны, в автократиях в это десятилетие прослеживалась прямо противоположная тенденция – к росту интенсивности этого показателя. В результате в 2000-е гг. средний уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в авторитарных госу-

дарствах по сравнению с демократическими оказался выше более чем в два раза (Рис. 21).

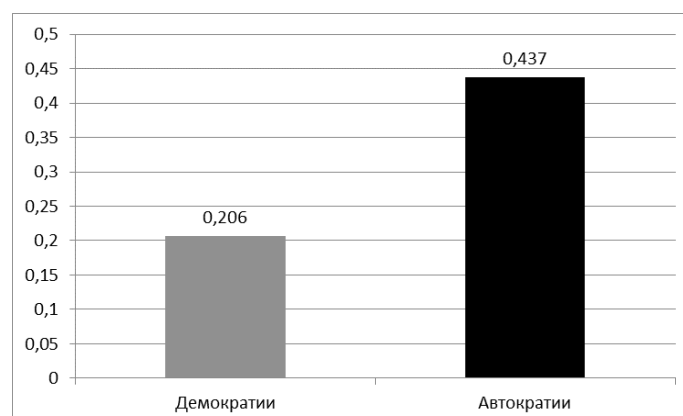

Рис. 21. Средние индексы интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических и авторитарных режимов с 2001 по 2010 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

В целом в период между концом холодной войны и началом Арабской весны U-образная зависимость продолжала прослеживаться и по показателю интенсивности антиправительственных демонстраций. Наиболее высокая интенсивность антиправительственных демонстраций и в этот период продолжала наблюдаться в государствах с промежуточными режимами. Главным отличием оказалось направление асимметрии – если до конца холодной войны в демократических государствах наблюдался статистически значимо более высокий уровень интенсивности антиправительственных демонстраций, то в период между концом холодной войны и началом Арабской весны значимо более высокий уровень интенсивности антиправительственных демонстраций уже наблюдался скорее в автократиях, чем в демократиях (Рис. 22 и Табл. 3).

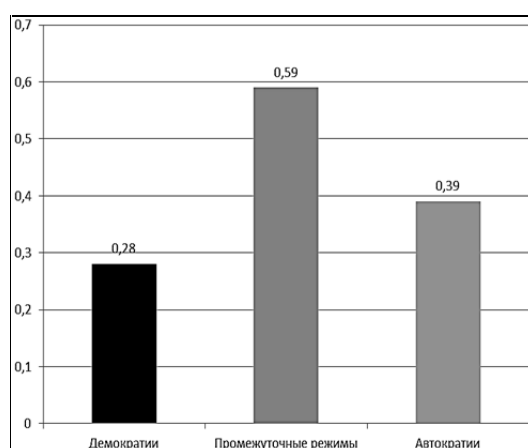

Рис. 22. Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 1992 по 2010 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Табл. 3. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий для периода с 1992 по 2010 г.

		Демократии	Промежуточные режимы	Автократии
Демократии	t		-6,922	-2,553
	α^*		<< 0,0001	0,011
Промежуточные режимы	t	-6,922		3,217
	α^*	<< 0,0001		0,001
Автократии	t	-2,553	3,217	
	α^*	0,011	0,001	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: 2-сторонний тест значимости.

По-настоящему же радикальная трансформация происходит с началом Арабской весны и запущенного ею процесса глобального фазового перехода (подробнее об этом фазовом переходе см. выше *Часть I*). Однако на этом этапе имеет смысл уже перейти от динамического сопоставления автократий и демократий по интересую-

щему нас показателю к более широкому сопоставлению, которое включило бы в себя и промежуточные режимы (Рис. 23).

а) с натуральной шкалой по оси ординат

б) с логарифмической шкалой по оси ординат

Рис. 23. Динамика средних чисел антиправительственных демонстраций на одно государство демократического, автократического и переходного типа за один год, 1973–2012 гг., логарифмический масштаб

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Как мы видим, в 1970-е гг. интенсивность антиправительственных демонстраций в промежуточных режимах была практически столь

же высокой, как и в демократиях, значительно превышая при этом таковую в автократиях. В 1980-е гг. в промежуточных режимах наблюдается значительный рост среднего уровня интенсивности антиправительственных демонстраций, и в 1983–1987 гг. этот показатель достигает здесь своих максимальных значений, заметно превышая таковой как в демократиях, так и (тем более) в автократиях. После этого (вплоть до 2011 г. включительно) в промежуточных режимах наблюдается тенденция к снижению уровня интенсивности антиправительственных демонстраций. Однако в 1990-е гг. эта тенденция оказалась в промежуточных режимах выраженной значительно слабее, чем в демократиях и автократиях, в результате чего в течение всего периода 1983–2002 гг. интенсивность антиправительственных демонстраций в промежуточных режимах устойчиво превышала таковую как в демократиях, так и в автократиях (это обстоятельство, кстати, во многом и объясняет общую U-образную зависимость между типом режима и интенсивностью антиправительственных демонстраций, прослеживаемую на протяжении всего исследуемого периода в целом). В 2000-е гг. (вплоть до 2010 г. включительно) общие темпы снижения интенсивности антиправительственных демонстраций в промежуточных режимах заметно ускоряются, в демократиях эти темпы остаются на прежнем уровне, а вот в автократиях тенденция 1990-х гг. к снижению уровня интенсивности антиправительственных демонстраций сменяется на прямо противоположную. В результате в 2000-е гг. разрыв между промежуточными режимами и демократиями остался в общем и целом на прежнем уровне. А вот средний уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в автократиях в общем и целом сравнялся с таковым в промежуточных режимах.

На этом фоне метаморфозы 2011–2012 гг. выглядят в какой-то степени продолжением тенденций последних десятилетий, хотя резкий рост интенсивности антиправительственных демонстраций наблюдался во всех типах режимов. В 2000-е гг. тенденция к росту интенсивности антиправительственных демонстраций наблюдалась только в автократиях. Именно там и произошел особо впечатляющий рост этого показателя. В промежуточных режимах в 2000-е гг. наблюдалось ускорение тенденции к снижению значения данного показателя, и именно там отмечался наименее выраженный рост

интенсивности антиправительственных демонстраций. Наконец, в демократиях в 2000-е гг. наблюдалась промежуточная ситуация – интенсивность антиправительственных демонстраций в них в эту декаду продолжала снижаться примерно теми же темпами, что в 1990-е и 1980-е гг. Промежуточная ситуация там наблюдалась и в 2011–2012 гг. Интенсивность антиправительственных демонстраций там выросла сильнее, чем в промежуточных режимах, но слабее, чем в авторитарных.

В любом случае в результате общий паттерн корреляции претерпел радикальные изменения. U-образная зависимость при этом до некоторой степени сохранилась, но при этом поменялся ее знак. Как в период холодной войны, так и в период между концом холодной войны и Арабской весной наиболее высокий уровень интенсивности антиправительственных демонстраций наблюдался в промежуточных режимах. В прямую противоположность этому в 2011–2012 гг. в промежуточных режимах отмечался наименьший уровень данного показателя. Есть основания полагать, что это связано с тем, что речь идет о не вполне обычных годах – годах фазового перехода и что после его завершения U-образная зависимость примет свою привычную перевернутую форму.

С другой стороны, U-образная зависимость приняла еще более асимметричный вид в сторону авторитарных режимов, чем это наблюдалось в период между концом холодной войны и началом Арабской весны. Если в 1992–2010 гг. средняя интенсивность антиправительственных демонстраций в автократиях превышала таковую в демократиях лишь на 40 %, то в 2011–2012 гг. это превышение составило уже 210 %. Отметим, что, хотя в этот период интенсивность антиправительственных демонстраций в демократиях превысила таковую в промежуточных режимах на 45 %, это различие не оказалось статистически значимым (Рис. 24 и Табл. 4).

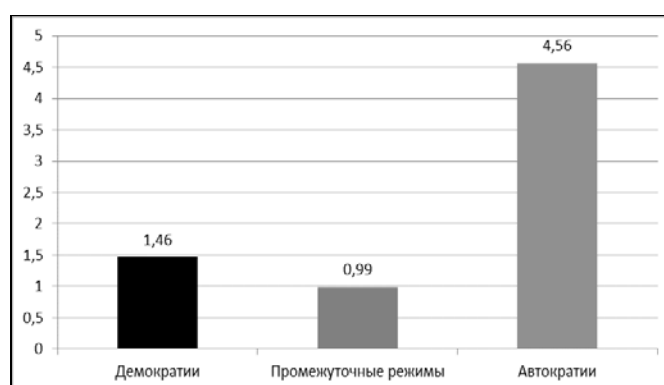

Рис. 24. Индекс интенсивности антиправительственных демонстраций для демократических, авторитарных и промежуточных режимов с 2011 по 2012 г.

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Примечание: 2-сторонний тест значимости.

Табл. 4. Корреляционная матрица индекса интенсивности антиправительственных демонстраций относительно пар политий

		Демократии	Промежуточные режимы	Автократии
Демократии	t		0,829	–2,892
	α^*		0,408	0,004
Промежуточные режимы	t	0,829		–3,076
	α^*	0,408		0,002
Автократии	t	–2,892	–3,076	
	α^*	0,004	0,002	

Источники данных: CNTS 2016; Freedom House 2016.

Итак, проведенные нами эмпирические тесты с использованием баз данных CNTS и Freedom House в общем и целом подтвердили наличие U-образной зависимости уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, когда более устойчивыми оказываются консолидированные демократии и последовательные автократии, а менее устойчивыми – промежуточные режимы. Вместе

с тем проведенное исследование позволило выявить целый ряд важных деталей: 1) U-образная зависимость уровня социально-политической дестабилизации от типа режима, как правило, характеризуется выраженной асимметрией; 2) сам характер этой асимметрии может меняться с течением времени; 3) характер U-образной зависимости претерпел очень существенные изменения после окончания холодной войны; 4) в период до окончания холодной войны (1973–1991 гг.) U-образная зависимость была выражена сильнее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации был характерен для неконсолидированных демократий; 5) в период после окончания холодной войны (1992–2012 гг.) U-образная зависимость стала выражена заметно слабее, а наиболее высокий уровень социально-политической дестабилизации стал характерен скорее для непоследовательных автократий.

Библиография

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: Изд-во ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013. Демократия и революция. *История и современность* 2(18): 15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014. Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.
- Коротаев А. В. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РСО. С. 1483–1489.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2010. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010. Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика* 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010.** *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS. С. 45–88.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис* 4: 37–162.

- Урнов М. Ю. 2008.** *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект Пресс.
- Цирель С. В. 2012а.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 128–161.
- Цирель С. В. 2012б.** Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 162–171.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2015.** Cross-National Time-Series Data Archive. Databanks International. Jerusalem, Israel. URL: <http://www.databanksinternational.com>
- Buhaug H. 2006.** Relative Capability and Rebel Objective in Civil War. *Journal of Peace Research* 43(6): 691–708.
- Cederman L.-E., Hug S., Krebs L. F. 2010.** Democratization and Civil War. *Journal of Peace Research* 47(4): 377–394.
- CNTS 2016.** Cross-National Time Series Data Archive Coverage. Databank International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Dahl R. A. 1971.** *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press. Pp. 85–108.
- Dalacoura K. 2001.** US Democracy Promotion in the Arab Middle East Since 11 September 2001: A Critique. *International Affairs* 81(5): 963–979.
- Davies J. C. 1962.** Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.
- Davies J. C. 1969.** Toward a Theory of Revolution. *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / Ed. by B. McLaughlin. New York: Free Press.
- Ellingsen T. 2000.** Colorful Community or Ethnic Witches' Brew? Multiethnicity and Domestic Conflict During and After the Cold War. *Journal of Conflict Resolution* 44: 228–249.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P. 1997.** Democracy and Armed Conflict in the Third World. *Causes of Conflict in the Third World* / Ed. by K. Volden, D. Smith. Oslo, Norway: North/South Coalition and International Peace Research Institute.
- Fearon J., Laitin D. 2003.** Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97: 75–90.

- Francisco R. A. 1995.** The Relationship between Coercion and Protest: An Empirical Evaluation in Three Coercive States. *Journal of Conflict Resolution* 39(2): 263–82.
- Freedom House. 2016.** Individual Country Ratings and Status, FIW 1973–2015. URL: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Individual%20Country%20Ratings%20an%20Status%2C%201973-2015%20%28FINAL%29.xls>.
- Fuller G. E. 2004.** *The Youth Crisis in Middle Eastern Society*. Clinton Township, MI: Institute for Social Policy and Understanding.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. 2000.** *Institutional Consistency and Political Instability: Persistence and Change in Political Systems Revisited, 1800–1998*. Paper Presented at the Annual Meeting of American Political Science Association, Washington, D.C.
- Gleditsch K. S. 2002.** *All International Politics is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Marshall M. G., Lustik M. B., Woodward M., Ulfelder J. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J. A., Kaufmann E. P., Toft M. D. (Eds.). 2012.** *Political Demography*. Oxford: Oxford University Press.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. 2014.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss. Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisher House Arostotelész).
- Gurr T. R. 1974.** Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science* 68: 1482–1504.
- Hegre H. 2014.** Democracy and Armed Conflict. *Journal of Peace Research* 51(2): 159–172.

- Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gledish N. P. 2001.** Towards a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992. *American Political Science* 95: 33–48.
- Heinsohn G. 2003.** *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag.
- Jagers K., Gurr T. R. 1995.** Tracking Democracy's Third Wave with the Polity III Data. *Journal of Peace Research* 32(4): 469–482.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House. Pp. 113–134.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-national Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics* 4: 201–267.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bozhevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics* 2(2): 276–303.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Mansfield E., Snyder J. 1995.** Democratization and the Danger of War. *International Security* 20(1): 5–38.
- Marshall M. G., Cole B. R. 2008.** *A Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies*. Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association.
- Marshall M. G., Cole B. R. 2012.** *Societal systems analysis and the problem of factionalism in emerging democracies*. Paper presented at the Meeting of the International Studies and British International Studies Associations, Edinburgh, UK.

- Marshall M. G., Jaggers K. 2015.** Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions 1800–2008. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.
- Mesquida C. G., Weiner N. I. 1999.** Male Age Composition and Severity of Conflicts *Politics and the Life Sciences* 18: 113–117.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10: 238–260.
- Muller E. N., Weede E. 1990.** Cross-National Variations in Political Violence: A Rational Action Approach. *Journal of Conflict Resolution* 34(4): 624–651.
- Puddington A., Aghekyan E., Coogan M., Dunham J., Nelson B., Repucci S., Roylance T., Tucker V. 2015.** Discarding Democracy: Return to the Iron Fist. *Freedom in the World 2015*. Washington, DC: Freedom House.
- Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J. A., Limongi F. 2000.** *Democracy and Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Regan P., Bell S. 2009.** Changing Lanes or Stuck in the Middle: Why Are Anocracies More Prone to Civil Wars? *Political Research Quarterly* 63(4): 747–759.
- Regan P. M., Norton D. 2005.** Greed, Grievance, and Mobilization in Civil Wars. *Journal of Conflict Resolution* 49(3): 319–336.
- Sambanis N. 2001.** Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? A Theoretical and Empirical Enquiry (part 1). *Journal of Conflict Resolution* 45: 259–282.
- Taylor C., Jodice D. 1983.** *World Handbook of Political and Social Indicators*. New Haven: Yale University Press.
- Treier S., Jackman S. 2008.** Democracy as a Latent Variable. *American Journal of Political Science* 52(1): 201–217.
- Ulfelder J., Lustik M. 2007.** Modeling Transitions to and from Democracy. *Democratization* 14: 351–387.
- Vreeland J. R. 2008.** The Effect of Political Regime on Civil War. *Journal of Conflict Resolution* 52(3): 401–425.